Н. Н. ПОППЕ

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ НА ОРХОН ЛЕТОМ 1926 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Н. Н. ПОППЕ

Отчет о поездке на Орхон летом 1926 года

Целью моей поездки в Монголию являлось продолжение той работы, которая была начата начальником этнолого-лингвистического отряда Б. Я. Владимирцовым еще летом 1925 г. Согласно плану, выработанному им же, этнолого-лингвистические исследования должны были на этот раз производиться главным образом в долине р. Орхона, при чем этим же планом был предусмотрен заезд по пути на развалины Цаган-байшин на р. Толе. Особенное внимание при этом должно было уделяться обследованию памятников древности, которые отряд мог встретить на своем пути.

7 июля наш отряд в составе шести человек — меня, моего помощника Б. Б. Бамбаева, монгола-проводника и трех бурят-рабочих — выехал из г. Улан-Батор в юго-западном направлении вдоль р. Толы. Достигнув 11 июля Тулайн-гун-хуре (тʿӯлᵃī̯ г̯ӯн̨ хӯрē), отряд сделал там первую (не считая, конечно, остановок на ночлег) остановку с целью обследования местности Елесте (ėllĕcʿтʿĕ), находящейся в нескольких *км* к югу от дороги, где по собранным в пути сведениям должны были находиться остатки каких-то сооружений. В виду того, что эти развалины никем из прежних путешественников не упоминаются, посещение и обследование их представляло собою большой интерес для нас. Но так как, с другой стороны, слухи об этих развалинах могли быть, как это часто бывает, ни на чем не основанными, казалось нецелесообразным отряду в полном его составе сворачивать с прямого пути в эту местность, представляющую собою, как показывает само название ее, сплошные пески, весьма трудно проходимые для караванов. Исходя из этих соображений, отряд ограничился отправкой в местность Елесте разведочной партии в составе Б. Б. Бамбаева и провод-

ника. Поездка эта оказалась не напрасной, так как там были обнаружены интересные писаницы на скалах. Кроме того, судя по некоторым признакам, там действительно должны находиться погребенные под песками развалины каких-то строений.[1]

Следующей остановкой отряда была местность Улхуйн-булун (улхʸį̄ б̮уллў), отстоящая недалеко от предыдущей остановки, откуда участниками отряда была совершена поездка к известным писаницам на скалах Бичикте-улан-хада (б̮іʿчʿĭкʿтʿē улą̄ хад̮д̮ă).[2]

Двинувшись дальше из Улхуйн-булун, отряд свернул с более прямого пути на Эрдэни-дзу и взял направление к развалинам Цаган-байшин (цʿаґą̄ б̮а̇ĕшį̆) на р. Толе.

Переночевав в местности Цаган-дерес (цʿаґą̄ д̮ерĕс) у р. Толы (14 июля) и достигнув на следующий день местности Хермин-денджи (хермį̄ д̮енцĭ), где возвышаются остатки старого земляного вала, отряд расстался с течением р. Толы.

Проехав мимо древнего памятника, вероятно древне-турецкого, представляющего собою продолговатый обсеченный и орнаментированный камень, от которого тянется ряд мелких камней (всего 34), среди которых оказалось несколько каменных баб с отбитыми головами, отряд продолжал отсюда свой путь, останавливаясь лишь на ночлег (ночевки в чʿȯlį̄ хȯнд̮ʸī и цʿа̇ххĭр близ цʿа̇хⁱрį̄ су̇мĕ). Последней до Цаган-байшина остановкой (17 июля) была местность Борокчин (б̮орŏкʿчʿį̆) у озера Бо-

---

[1] Подробности будут сообщены Б. Б. Бамбаевым в его отчете. Вообще, того, чего я сам не видел, я в этом отчете касаться не буду и отсылаю поэтому интересующихся к отчету Б. Б., побывавшего во время своих разъездов во многих местах, которых мне лично не удалось посетить.

[2] Н. М. Ядринцев. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в южном Хангае. Сборник Трудов Орхонской Экспедиции, т. I, СПб., 1892, стр. 29; Н. Ядринцев. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. Сб. Тр. Орх. Эксп., т. V, СПб., 1901, стр. 12. Названия Бичикте-дулан-хада „письмена теплых скал“, приводимого для этой скалы П. К. Козловым (Вести из монголо-тибетской экспедиции Русского Географического Общества. Хозяйство Монголии, вып. I, Уланбатор, 1926, стр. 42; Три года по Монголии и мертвый город Хара-хото. Москва — Ленинград, 1927, стр. 24; Краткий отчет о монголо-тибетской экспедиции Государственного Русского Географического Общества 1923—1926 гг. Северная Монголия III, Ленинград, 1928, стр. 8) нам слышать не приходилось. Снимки с некоторых из рисунков на этих скалах в Atlas der Altertümer der Mongolei. Herausgegeben von W. Radloff. St. Petersburg, 1892, Tafel IV; ср. также Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Северная Монголия II, Лениград, 1927, табл. VII.

рокчин-цаган-нӯр (ḇорŏkʿчʿį̄ ц̣ʿаґа̄ нӯр). Отсюда по трудно проходимой местности, представляющей собою пески, чередующиеся с солончаковым болотом, отряд достиг караула Чин-толгой (чʿің тʿолґ°ē), где был произведен предварительный осмотр остатков грандиозного земляного вала, подробное обследование которого было решено произвести на пути из Цаган-байшина в Эрдэни-дзу. Продолжая свой путь, отряд в тот же день (18 июля) достиг развалин Цаган-байшин на р. Толе.[1]

У Цаган-байшина отряд пробыл до 24 июля, т.-е. шесть дней, которые были посвящены осмотру развалин и обследованию ближайших окрестностей ее.

Прежде всего отряд позаботился снять с хорошо известного в литературе памятника с надписями на монгольском и тибетском языках, стоящего недалеко от самой развалины, новые эстампажи и фотографии. Попутно следует заметить, что Huth, в свое время издавший по снимкам В. В. Радлова эти надписи,[2] их не всюду правильно прочел и понял, в чем не трудно убедиться даже путем сличения издания текста с воспроизведениями надписей в Атласе древностей Монголии. В этом отношении перед Huth'овским изданием никаких преимуществ не имеет также Позднеевское издание, сделанное на основании копии со списка с этой надписи, виденного Позднеевым у одного тайджи.[3] Вновь изготовленные эстампажи значительно облегчают правильное понимание надписи, воспроизведенной несколько неудачно в Атласе.

По окончании работы по снятию эстампажей с этой надписи было предпринято собирание сведений о памятниках древности ближайших окрестностей, и эта работа увенчалась некоторым успехом. Прежде всего отряду посчастливилось получить достоверные сведения об одной небольшой надписи на скале, находящейся недалеко от Цаган-байшина, и сведения о двух развалинах, находящихся выше по течению р. Толы.

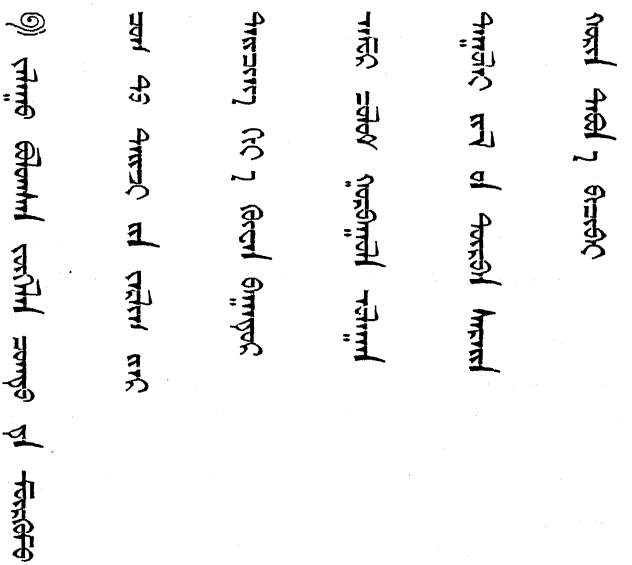
---

[1] В. В. Радлов. Предварительный отчет о результатах снаряженной ... Академией Наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона. Сб. Тр. Орх. Эксп., т. I, СПб., 1892, стр. 2; Д. Клеменц. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. Сб. Тр. Орх. Эксп., т. II, СПб., 1892, стр. 4 и сл.

[2] G. Huth. Die Inschriften von Tsaghan Baišin. Leipzig, 1894.

[3] А. Позднеев. Монголия и монголы, т. I, С. Петербург, 1896, стр. 467 и сл.

Что касается упомянутой здесь надписи, то по проверке слухов таковая действительно оказалась в указанном монголами месте, а именно на скале Бичикте-хошу (б̮іʿчʿікʿтʿē хошӯ), отстоящей от развалин Цаган-байшин приблизительно в двадцати *км* вниз по течению р. Толы, в очень живописной, богатой растительностью местности почти на самом берегу реки. Надпись эта — четырехязычная (монгольско-тибетско-санскрито-китайская), но очень небольшая. Монгольский текст надписи гласит следующее:



Транскрипция.

ǰalaγu boluγsan ǰögelen čoγtu-da mörgümü
čoγ-tu taiiǰi-yin ǰarliγ-iyer
dayičing kiy-a güven baγatur
amur čulum γurbaγula ulaγan
taγulai ǰil-un dörben sarayin
χorin tabun-a bičibei.

Перевод.

„Поклоняюсь юному, нежному, блестящему“ (т.-е., Man̄juçrī).

„По приказу Цокту-Тайджи написали (это) двадцать пятого числа четвертой луны года красного зайца паж Дайчинг, Гӱвен-богатырь и Амур Цулум“.

Примечания к тексту.

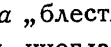
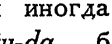
Из языковых особенностей и особенностей отдельных начертаний можно отметить следующие:

1. Буквы *č* и *j* в середине слова не различаются.

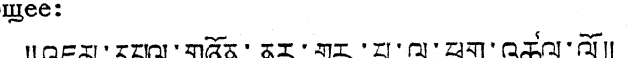
2. Диакритические точки в оригинале всюду отсутствуют.

3. Суффиксом дательного-местного падежа является *-da* в форме *čoγtu-da* „блестящему".

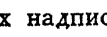
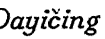
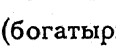
4. Суффиксы иногда пишутся слитно с основой, иногда раздельно: *čoγtu-da* „блестящему", *čoγ-tu taiiji-yin, sarayin* „луны".

5. Форма  *taγulai* „заяц" вместо обычного  *taulai* < **taβlai* > халх. тʻӯлᵃē. Появилась эта форма под влиянием живой речи, где ӯ соответствует м. п. письменному *aγu*. В действительности в письменном языке форма *taγulai* никогда не существовала.

Тибетская надпись, китайская и санскритская (буквами *lancha*) содержат каждая по одной строке. Из них тибетская гласит следующее:



и по содержанию соответствует вполне первой строке монгольской надписи (т.-е., в переводе значит: „Поклоняюсь Mañjuçrī"). Таково же содержание китайской и санскритской надписей.[1]

Надпись эта, таким образом, принадлежит известному Цокту-Тайджи и относится к 1627 г. Интересно отметить, что из имен лиц, вырезавших надпись на скале, два уже знакомы, а именно  *Dayičing kiy-a* (паж Дайчинг) и  *Güven bayatur* (богатырь Гӱвен), имена резчиков Мишикгунских надписей, относящихся к 1624 г. и открытых в свое время Вл. Л. Котвичем и затем экспедицией П. К. Козлова и изданных Б. Я. Владимирцовым.[2] Что касается второго имени — *Güven bayatur*, то оно допускает также чтение  *Güyen bayatur*, как на Мишикгунских надписях (срв. там), хотя на эстампажах довольно ясно читается . Как бы то

[1] Как любезно сообщили А. И. Вострикова, сделавший перевод санскритской надписи, и Ю. К. Щуцкий, сделавший перевод китайской.

[2] Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья первая. ИАН 1926, стр. 1253 и сл. Статья вторая. ИАН 1927, стр. 215 и сл.

ни было, нет никаких сомнений в том, что имена эти тождественны.

Внимание обращает на себя именование Mañjuçrī — *čoγtu* „блестящий", выбранное не случайно: здесь назван он так, очевидно потому, что тибетск. གཙུག་ соответствует монгольскому *čoγtu* и в силу совпадения с именем Цокту-Тайджи, по приказу которого надпись была вырезана. Непонятным является только самый факт высечения надписи: какие соображения руководили Цокту-Тайджи, когда он отдавал приказ своим приближенным о высечении на скале формулы поклонения Mañjuçrī? Из надписи мы узнаем лишь то, что она была вырезана в 1627 г. и можно лишь строить предположения относительно того, в ознаменование каких именно событий, относящихся к этому году, надпись была высечена. Является ли этот год временем окончания монгольского перевода Ганджура, которое, кстати, нам точно неизвестно, содержится ли здесь намек на какое-нибудь политическое событие, имевшее то или иное значение для самого Цокту-Тайджи или Легдан-Хана, с которым тот был так тесно связан — все это гадательно в одинаковой степени. Во всяком случае надпись эта является бесспорным доказательством того, что в 1627 г. Цокту-Тайджи продолжал еще находиться в тех районах Халхи, которые ему вскоре пришлось покинуть в результате поражений его в междуусобной войне, после чего около 1630 г. он оказался уже на Хуху-норе.[1]

Внешнее состояние надписи значительно хуже состояния Мишикгунских надписей, чтение которых особых затруднений собою не представляет. Высечена она на неровной поверхности скалы, и неглубоко вырезанные буквы, заросшие местами лишаями, своим цветом не выделяются и сливаются с темным фоном скалы, вследствие чего многие из них заметны лишь на ощупь. Поэтому фотографический снимок надписи не удался, что объясняется еще тем обстоятельством, что надпись занимает собою теневую сторону скалы, около которой к тому же стоят деревья, еще больше затемняющие ее. Зато вполне удовлетворительными оказались эстампажи, снятые отдельными частями с надписи, строки которой переходят с одного выступа скалы на другой. Кроме того на месте была снята с надписи на всякий случай еще копия от руки.

[1] Владимирцов. ИАН 1927, стр. 234.

По окончании всех этих работ отрядом было произведено обследование окрестностей Цаган-байшина и в другом направлении, с каковой целью Б. Б. Бамбаев с проводником совершил поездку вверх по течению р. Толы к неизвестным в литературе развалинам, сведения о которых были собраны отрядом. Развалины эти — Цаган-херем (цʿаґа̨ херӗм), находящиеся на правом берегу р. Толы, и Улан-херем (ула̨ херӗм), находящиеся на левом берегу, отстоят от Цаган-байшина приблизительно в двадцати пяти *км*.

За время своего пребывания у развалин Цаган-байшина отрядом были сделаны попытки собрать какие-нибудь легенды о развалинах или строителях их, но они увенчались лишь очень скромным успехом. Повидимому, в народной памяти, во всяком случае среди местных обитателей, никаких воспоминаний ни о Цокту Тайджи, ни о других деятелях, имена которых так тесно связаны с прошлым Цаган-байшина, не сохранилось.[1] Почти единственное, что местные монголы могли сообщить, это небылицы о несметных сокровищах, сокрытых под развалинами монастыря, или ларцах с книгами, спрятанных на Бичикте-хошу, о котором речь была выше. Нет надобности говорить здесь, что никаких книг нами там найдено не было, хотя Б. Б. Бамбаев для очистки совести и произвел осмотр всей скалы.

Покинув 24 июля Цаган-байшин, отряд стал продолжать свой путь в Эрдэни-дзу, для чего было необходимо вернуться в Чин-толгой, отстоящий от Цаган-байшина приблизительно в пятнадцати *км* где, как было сказано выше, внимание отряда было привлечено большим земляным валом.[2]

Вал этот представляет собою прямоугольник длиною около одного *км* и шириною около 400 *м* и находится недалеко от грязного солончакового озерка. В некотором отдалении возвышается огромное обо. Обнесенное валом пространство в свою очередь перегорожено внутри поперечным валом и образует собою два меньших четырехугольника (почти квадраты) внутри общего прямоугольника всего городища. В стенах вала заметны следы прежних ворот: их всего насчиты-

---

[1] Относительно легенд, записанных у местного населения Б. Б. Бамбаевым, можно заметить, что они довольно мало характерны, так как точно такие же сказания можно слышать в самых различных частях Монголии, где они точно таким же образом создаются вокруг местных памятников древности.

[2] Краткие сведения о нем у Позднеева, op. cit., p. 474.

вается семь, из которых одни ворота служат для сообщения между обеими половинами города, разгороженного пополам поперечным внутренним валом, а остальные служат для сообщения между обеими половинами города и внешним миром. Этих внешних ворот всего шесть и распределяются они таким образом, что на продольные стены вала их приходится по двум, а на поперечные по одним. Таким образом из обеих половин обнесенного валом пространства можно сообщаться со степью при посредстве троих ворот, а из одной половины города в другую можно проникнуть через ворота во внутренней поперечной насыпи.

На обнесенном валом пространстве возвышается множество небольших холмиков, повидимому, искусственных и представляющих собою остатки каких-то сооружений. Из под земли всюду торчат обломки каменных плит, служивших некогда основаниями для построек. Некоторые из таких плит были извлечены из под земли, и тогда было обнаружено в ямах множество различного вида обломков глиняной черепицы и черепков посуды, среди них обломки нескольких весьма изящных чашек и вазочек, по материалу напоминающих среднего качества фарфор. Все эти черепки были привезены в Улан-Батор и переданы в Монгольский Ученый Комитет.

Особенное внимание привлекли к себе две находящиеся на территории города каменные черепахи с четырехугольными выемками на спинах, служившие, повидимому, подножиями для некогда стоявших на них плит. Черепахи эти обращены головами — бóльшая на запад, меньшая на северо-запад и в настоящее время лежат на боку — бóльшая на правом, меньшая на левом. Это обстоятельство навело на мысль, что плиты, быть может, покрытые надписями, если таковые, вообще, когда-либо существовали, при падении памятников должны были упасть где-нибудь поблизости и находиться там и в настоящее время. В виду того, что сами черепахи глубоко ушли в землю или, вернее, занесены песком и виднеются лишь наполовину, возникло предположение, что свалившиеся с них плиты тоже могут оказаться под землею. Исходя из этих соображений, было решено произвести раскопку вокруг черепах с целью обнаружения плит, которые обещали быть немалых размеров, ибо вырез на спине бóльшей черепахи имеет размеры 50×25 *см*, а таковой на спине меньшей черепахи 37×25 *см*. Тщательные поиски этих плит и рытье глубоких траншей вокруг черепах не привело,

однако, ни к каким результатам, несмотря на то, что траншеи глубиною до 1,25 *м* были проложены до прежней почвы. В связи с этим вспомнились рассказы монголов, посещавших нашу стоянку у Цаган-байшина, что много лет тому назад какими-то русскими эти плиты были куда-то увезены на уртонах. Повидимому, этот рассказ является отголоском воспоминаний об Орхонской экспедиции, никаких камней, однако, оттуда не увозившей. По поводу всего сказанного можно допустить несколько предположений относительно участи стоявших там памятников. Прежде всего они могут, конечно, находиться под землею, но на значительно более далеком расстоянии, чем были вырыты траншеи. С другой стороны, плиты с надписями могли быть в более позднее время разбиты и совершенно уничтожены, равно как могли послужить строительным материалом при возведении каких-нибудь построек в городе, особенно, если памятники относятся к более ранней эпохе, чем сам город или какая-нибудь часть его. Разрешить все эти вопросы смогут лишь хорошо поставленные раскопки специально для этого оборудованной экспедиции и при наличии достаточной рабочей силы.

Покинув Чин-толгой, отряд достиг хорошо известных развалин монастыря в местности Хадасын (хад̯āсą̆) на р. Харухе,[1] называемых местными монголами Харӯх^{а}į̄ харă б̯алґăс, с которых были сняты фотографии. Отсюда отряд проследовал с остановками лишь на ночлег (уртоны б̯умбį̄ ȯрʿтʿō̄[2] и ґ̯ашӯнʿтʿ ē) дальше и, миновав знаменитое урочище Хушо-цайдам (хȯшō̄ цʿа̇ĕ̯дăм) и переправившись через Орхон, расположился 29 июля у развалин уйгурской столицы Хара-балгасун или, как ее называют местные монголы, харă херĕм, каковым названием вероятно объясняется прежде сделанное ошибочное отождествление этих развалин со столицей монгольских императоров Каракорумом.

Что касается древне-турецких памятников в Хушо-цайдаме, то отряд не стал задерживаться около них, ибо о них в настоящее время существует уже целая литература. Здесь можно лишь попутно заметить, что памятники эти находятся в прежней сохранности и никаких перемен со времен последних видевших их экспедиций с ними не произошло, если не считать, что па-

---

[1] Клеменц, op. cit., p. 27 и сл.

[2] Н. М. Ядринцев. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. по поручению Восточно-сибирского Отд. Географического Общества. Сб. Тр. Орх. Эксп., т. I, СПб., 1892, стр. 70.

вильон, воздвигнутый китайскими властями в 1911 г. над одним из них,[1] в настоящее время уже не существует.

Достигнув 29 июля развалин Хара-балгасуна, отряд пробыл там недолго и остановился там лишь для отдыха и для заведения знакомств среди местного населения, от которого можно было надеяться получить сведения о каких-нибудь новых, доселе в литературе не упоминавшихся памятниках. Между прочим, местные монголы сообщили о каком-то большом отесанном камне, лежащем в одной версте на северо-запад от Хара-балгасуна и едва лишь виднеющемся из под земли. В виду того, что это мог оказаться случайно незамеченный Орхонской Экспедицией древне-турецкий памятник, место это было обследовано, и там действительно оказался больших размеров тщательно обтесанный камень, лежавший в земле и только одной поверхностью слегка выдававшийся из под нее. Вокруг этого камня никаких следов прежних раскопок обнаружено не было, вследствие чего было решено выкопать этот камень, так как на остальных поверхностях его могли оказаться надписи. Откопать этот больших размеров камень и извлечь его из ямы стоило немалых трудов, но работа эта, к великому разочарованию, оказалась совершенно бесполезной, так как все четыре поверхности столба никаких следов надписи на себе не имели. Во время раскопки здесь же под землею был обнаружен другой, значительно меньших размеров, камень с орнаментом в виде цепи полукругов. Этот второй камень представляет собою совершенно правильной формы четырехгранную призму и обратил тогда на себя внимание тем, что в нем просверлены у одного из ребер три сквозных отверстия, пронизывающих смежные плоскости камня, из которых два находятся у концов камня, а одно посередине.

Вблизи этого памятника, в стороне, противоположной развалинам Хара-балгасуна, монголами был указан еще один продолговатый камень, лежавший на земле, относительно которого все уверяли, что это б̯іʿчʿікʿтʿē чʿулӯ, т.-е. камень с надписью. При проверке этого указания оказалось, что он действительно является таковым, и на нем было обнаружено несколько строк, писанных очень мелкими (1—1,5 *см*) древне-турецкими рунами.

[1] Вл. Л. Котвич. В Хушо-цайдаме. Труды Тройцкосавско-Кяхтинского Отд. Приамурск. Отд. Русск. Географического Общества, т. XV, вып. 1, 1912 г., стр. 52.

Длина этого камня — 121 *см*, ширина 25 *см*. Надпись распространяется лишь на одну половину одной поверхности. К сожалению, камень этот оказался сильно попорченным, и надпись эта очень плохо сохранилась. Тем не менее с нее был снят эстампаж. Был ли этот камень в свое время открыт Орхонской экспедицией, и была ли эта надпись заснята, установить не удалось, так как возможно, что она, как совершенно безнадежная в смысле возможности прочтения ее, не была включена в число изданных в Атласе древностей Монголии памятников. По поводу этого камня можно в качестве подробности заметить, что он лежал на совершенно открытом месте в степи, причем никаких следов могилы или балбалов там обнаружено не было.

Говоря о Хара-балгасуне, можно прибавить, что обломки китайской, согдийской и турецкой-рунической надписей большого памятника, равно как орнаментированная часть его, представляющая собою фигуры львов, попрежнему лежат в степи недалеко от развалин города. Фрагменты турецкой надписи, повидимому, в прежней сохранности, и чтение сохранившихся строк не представляет собою никаких затруднений. Зато китайская и согдийская надписи, особенно последняя, в таком состоянии, что на возможность прочтения их теперь почти нет надежды.

У Хара-балгасуна отряд, как уже было сказано, пробыл недолго. 31 июля Б. Б. Бамбаев вместе с проводником отправился в Дзаин-хуре (ʒȧjĭ ху̇рē), чтобы по пути туда и там на месте собрать сведения о памятниках древности в тех местах, каковую задачу он выполнил весьма успешно, собрав сведения, которые могут быть использованы будущими экспедициями. Между прочим он узнал, что на озере Терхин-цаган-нур (тʿе̇рхī цʿаґą̄ нӯр) находятся памятники с какими-то надписями.

Время пребывания в Хара-балгасуне было использовано также для лингвистических наблюдений. 1 и 2 августа были всецело посвящены записыванию песен, бо́льшая часть которых была сообщена одним зажиточным монголом, оказавшимся также недурным скрипачем и исполнившим ряд мелодий на струнном инструменте хӯр, под аккомпанимент которого им и его домочадцами было пропето несколько больших песен и в том числе распространенный ныне по всей Монголии гимн улą̄ тʿуґ̮.

Что касается сюжетов слышанных и записанных там песен, то таковыми большинства их являются красоты Хангая. Таких

песен, как ȯ̆нд̆ȯ̆р ханг^{a}ē̆ оргӣл̆ „На вершине высокого Хангая“, хоjjӣр ханг^{a}ē̆ ну^{c}т^{c}ӯk „Страна двух Хангаев“ и т. д. записано значительное количество

Относительно особенностей местного говора можно заметить, что он в общем очень мало отличается от говора Улан-Батора. Главные особенности его сводятся к следующему:

1) Заместителем *ȯ обычно является ȯ̆ (звук средний между ӯ и ӧ), который в говоре Улан-Батора по наблюдениям Г. И. Рамстедта на слух мало отличается от ӯ, вследствие чего этот звук и ӯ в русском издании его труда не различаются.[1] Например, ^{к}хȯ̆кшӣ̆ „старый“, срв. название р. Старый Орхон ^{к}хȯ̆кшӣ̆ орхӯ̆; ^{к}хȯ̆х „синий“; д̆ȯ̆рwӯ̆ „четыре“; б̆ȯ̆ххӯ̆ „прочный“; ȯ̆нгӯ̆ „цвет“; мȯ̆н^{к}хӯ̆ „вечный“; з̆ȯ̆н^{c}т^{c}ӯ̆гӣ̆ӧ̆сē̆ „выживший из ума“; ȯ̆гӣ̄ „утро“ и т. д.[2]

На ряду с этим наблюдаются, конечно, чередования ȯ̆ ~ ӯ, напр., ȯ̆нд̆ȯ̆р ~ ӯнд̆ӯр „высокий“ и т. д.

2) Заместителем *k в начале слова, после глухих слабых и носовых обычно является ^{к}х, каковая особенность отмечена Г. И. Рамстедтом для всех западно-халхаских говоров,[3] напр. ^{к}хӯ̄рхӯ̆ „бедняга“; ^{к}ху^{c}ч^{c}ӣ „сила“; сē̆д̆^{к}хӣ̆ „мысль“; мȯ̆н^{к}хӯ̆ „вечный“ и т. д.

3 августа отряд покинул Хара-балгасун и перебрался в местность Хушо (^{к}хȯ̆шӯ̄) на р. Ц̆аган-сумейн-гол (ц̆^{c}аг^{a}ӣ̄ сӯм^{c}ӣ̆ г̆ол), отстоящую в одном *км* от Чимид-бейсийн-хуре (ч^{c}ӣмӣ̆д̆ б̆ēс̆ӣ̆ хӯрē), с целью заснятия некоторых находящихся там памятников.

Прежде, чем сделать обзор работ, произведенных в этой местности, будет нелишним предпослать дальнейшему изложению небольшое разъяснение топографического характера. Дело в том, что на картах речка, на которой находится монастырь Чимид-бейсийн-хуре (называемый на картах более коротко Куре-Бейсе) носит название не Ц̆аган-сумейн-гол, но Джирмантай, на что обратил свое внимание еще Д. А. Клеменц, указавший,

---

[1] Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха'ско-ургинского говора. С. Петербург, 1908, § 40. Ср. его же Das Schriftmongolische und die Urgamundart. Helsingfors, 1902, § 40.

[2] То же наблюдение сделано в отношении восточно-халхаских говоров Б. Я. Владимирцовым. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Северная Монголия II, Ленинград, 1927, стр. 3.

[3] Сравнительная фонетика etc., § 7.

что в 15 *км* выше от Чимид-бейсийн-хуре в р. Джирмантай справа впадает река Цаган-сумейн-гол.[1] Этим обстоятельством вероятно и объясняется, что, приняв свой правый приток Цаган-сумейн-гол, Джирмантай во всем своем нижнем течении носит также и это название.

Итак, расположившись в местности Хушо на р. Цаган-сумейн-гол, отряд приступил к обследованию окрестностей. Прежде всего отсюда была совершена поездка к указанному монголами памятнику, находящемуся приблизительно в двадцати *км* от Хушо на р. Худжрийн гол'е (хуцрӣ ґол), впадающей справа в Цаган-сумейн-гол. Памятник этот, действительно, оказался в указанной местности и представляет собою довольно высокий четырехгранный каменный столб с орнаментом в нижней своей части. Никаких надписей на нем, однако, не оказалось.

Далее, в Хушо были сделаны фотографические снимки с большого орнаментированного камня, лежащего в степи на расстоянии 0,5 *км* к югу от Чимид-бейсийн-хуре. Камень этот продолговатой формы, длиною в 180 *см*, шириною 73 *см* и толщиною в 31 *см* и со всех сторон покрыт орнаментом.

Наконец, здесь в Хушо был снят эстампаж с находящегося там китайского памятника относящегося к недавнему прошлому.[2]

5 августа отряд перебрался в монастырь Эрдэни-дзу. Хотя этот чрезвычайно интересный в археологическом отношении монастырь неоднократно посещался отдельными исследователями и целыми экспедициями, производившими там очень тщательные работы, тем не менее можно было полагать, что кое-что ускользнуло от внимания их, вследствие чего пребывание в этом монастыре сулило много интересного, ибо достаточно указать на то, что каждая экспедиция до сих пор привозила оттуда что-нибудь новое. Кроме того в задачи отряда входило изготовление новых, более четких эстампажей и снимков с уже известных и даже опубликованных в Атласе древностей Монголии памятников.

Первые дни своего пребывания там отряд был вынужден из-за проливного дождя провести в бездействии и лишь

---

[1] Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова. Сб. Тр. Орх. Эксп., т. I, СПб., 1892, стр. 14.

[2] Вл. Л. Котвич письменно сообщил, что памятник этот он видел в 1912 г. и привез даже эстампажи с него.

10 августа мог приступить к своей работе, и в промежутке между 10 и 16 августа были сняты эстампажи: 1) с большой персидской надписи, находящейся у ц̣ʿанⁱд̣ị̄ д̣уґў (табл. XLVIII),[1] 2) с китайской надписи, содержащей несколько строк, писанных древнемонгольским почерком и представляющих собою транскрипцию разных имен собственных, находящейся там же (табл. XLV),[2] 3) с китайской надписи, находящейся около ц̣ӯд̣ị̄ д̣уґў (табл. XLVI), 4) с китайской надписи, находящейся около восточных ворот (урд̣ў хāлґă) монастыря (табл. XLVII), 5) с китайских надписей, вделанных по обеим сторонам восточных ворот (табл. XLIII) и 6) с монгольской надписи на камне, поддерживающем курильницу у субургана перед храмом Дашнайчин (д̣ашнᵃēʿчʿị̄), снятой и изданной в свое время Вл. Л. Котвичем.[3] К сожалению, эстампажи и снимки с монгольской и тибетской надписей, находящихся у большого субургана (алʿтʿą̆ субўрґą̆) совершенно не удались, так как камни эти сильно выветрились. Не удалось также прочесть эти надписи и на месте и изготовить с них хотя бы копии от руки.

Помимо этих эстампажей были сняты эстампажи еще с двух обломков одной монгольской надписи. Последние настолько интересны, что на них стоит подробнее остановиться.

Обломки надписи, о которых идет речь, были указаны самими ламами. Находились они в бытность нашу в Эрдэни-дзу во дворе Очир-дарайн-санг (оʿчʿĭр д̣āрᵃị̄ сан̣), куда были положены по просьбе Ц. Ж. Жамцарано, посетившего монастырь за несколько дней до прибытия туда нашего отряда. Камни эти были им обнаружены при разборке одной части ремонтировавшейся ограды монастыря. Обломков этих, как уже сказано, два, и они являются кусками одной и той же плиты, как показывает одинаковая толщина их (37 *см*). Кусков этих не удается сложить, что указывает на то, что это не смежные куски надписи. Размерами они не одинаковы и формы неправильной. Бо́льший обломок имеет в длину в самой длинной части 81 *см*, в самой короткой части 69 *см*; в ширину он имеет в самой широкой части 43 *см*, в самой узкой части 22 *см*. В самой

---

[1] Атласа древностей Монголии.

[2] В атласе указано неверно, что надпись находится у храмов ґ̣урwą̆ ʒӯ.

[3] Вл. Л. Котвич. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу. Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Российской Академии Наук, т. V, вып. I, Петроград, 1917, стр. 208 и сл.

узкой части (в верхней) этого обломка видны 10 строк, из коих две крайних правых на нижнюю часть обломка не распространяются. Всего на этом обломке видно 20 строк. Меньший обломок имеет в ширину 34 *см*; в длину в самой длинной части 24 *см*, в самой короткой части 8 *см*. Всего на нем видно 12 строк.

Что касается содержания этих обломков надписи, то на бóльшем обломке можно в порядке строк прочесть следующее[1] (см. стр. 16 и табл. I):

Транскрипция.

1..... *kemekü* .....
2..... *χorum-a saγuχu balγa[sun]*[2].....
3..... *burχan-u šasin nom-un yosun*.....
4..... *yeke köndülemdekü sedkil-iyer es-e*.....
5..... *jiluγa-dur-iyen oruγulχu jiru*[3].....
6..... *χorum-eče iregsed ene süm-e-yin*.....
7..... *balγasun-dur bükün yeke süm-e ger χorum-un*.....
8..... *toyid-un saγuχu keyid*[4] *nigen jaγun χorin bo[sχa-γulbai]*.....
9..... *[nara]n singgekü-dür kürtele nigedügsen-dür tere čitayan*[5] *süm-e*.....
10..... *aγula metü öndür bögetele gantiragud aγula-dur ber adali buyu tür*.....
11..... *tu kemen nereyidüjügü*..... *kemebesü yeke mongγol ulus ör*.....

---

[1] В целях наиболее точной передачи начертаний подлинника надпись издается здесь древне-турецким уйгурским шрифтом. Пунктиром показаны отсутствующие места строк, ковычками — совершенно неразборчивые слова.

[2] В скобки заключены недостающие слоги и слова, дополненные по контексту.

[3] Непонятное слово. За ним следует совершенно неразборчивое слово.

[4] Здесь *keyid* не в обычном для письменного языка и современных наречий значении „обитель, монастырь“ (ср. халх. хīд), но в смысле „жилище, здание, постройка“, как явствует из контекста („сто двадцать *keyid* для житья духовенства“). В значении „жилище“ это слово засвидетельствовано, как сообщил Б. Я. Владимирцов, несколько раз в старом тексте Bodhicaryāvatāra. Перевод „обитель“, даваемый Вл. Л. Котвичем (op. cit., p. 211), в данном случае не совсем точен.

[5] *čitayan* вероятно санскр. *caitya*. Независимо от моего предположения это же объяснение предложил мне Вл. Л. Котвич, сделавший мне ряд ценных указаний, за которые приношу ему свою искреннюю благодарность.

12. *süǖ-ten*[1] *degedüs tngri-yin ǰrlγ-iyer*[2] *törün öber-ün ulus bayi [γulbai] ..... učir .....*

13. *urida neng(?)*[3] *čaγan luu neretü čölege*[4] *bölüge [χoy]in-a basa.*

14. *süǖ-ten degedüs altan bey-e kürügsen balγasun ene metü čoγ-tu yeke süm-e .....*

15. *süǖ-tü χaγan-u altan čikin-dür kürgegülüged sača ǰrlγ-iyer .....*

16. *γayiχamsiγ sayin-ni*[5] *ayimun*[6] *üge buyan-tu üile-yi ker ögüleǰü baraγda [χu] .....*

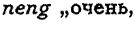
17. *terigülesi ügei čaγ-eče inaγsi-da delekei ulus samaγuraγsan-u χoyin-a .....*

18. *činggis χan törüǰü telem-e*[7] *χaris-un χad-i deyileǰügü [yeke] mongγol ulus ba .....*

19. *unaγsan nabčin-i .....*

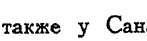
20. *küčüten .....*

---

[1] Так транскрибируется  . Значение этого слова теперь уже может считаться более или менее установленным и переводится оно м. п. как „обладающие величием“ (мн. число от *süǖ-tü*). Б. Я. Владимирцов. О тибетско-монгольском словаре *Li-çiḥi gur-khaṅ*. ДАН-В 1926, стр. 29—30. Прежние толкования этого термина ср. Котвич, Монгольские надписи в Эрдэни-дзу, стр. 211. Прим. 2.

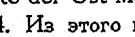
[2] Соответствует письменному *ǰarliγ*. Гласные здесь отсутствуют. Срв. Котвич, op. cit., p. 210. Прим. 6.

[3] Неразборчивое слово. Похоже на *neng* „очень, весьма“.

[4] Интересная форма, соответствующая монг. письм.  *čilüge* „свободное время, досуг; обстоятельство, случай; скважина“.

[5] Ясно читается . Соответствует монг. письм. *inu*.

[6] Возможно, конечно, также чтение *nayimun*. Слово это нигде не засвидетельствовано, но по смыслу может быть переведено как „дружественный, добрый, доброжелательный“.

[7] Слово это засвидетельствовано также у Санан-Сецена в следующем контексте:  „поступив согласно своей воле с преступными (или упрямыми, противодействующими) малыми правителями, отличающимися неправильными деяниями“..., см. I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses etc. St. Petersburg, 1829, S. 94. Из этого контекста слово это было взято Голстунским, внесшим его в словарь (т. III, стр. 88), где указывается чтение *telme* и дается значение „жестокий, горячий“. Вл. Л. Котвич, ссылаясь на E. Chavannes (Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole. Seconde série. T'oung Pao, Série II, vol. IX, 1908, Planches 2—3), любезно напомнил мне форму *deleme*, засвидетельствованную в следующем

Перевод.

1..... именуемый.....

2..... в Коруме город для житья.....

3..... религия Будды, закон учения.....

4..... весьма почтительной мыслью не.....

5..... ввести в свои бразды.....

6..... пришедшие из Корума этого храма.....

7..... в городе находящиеся великие храмовые здания, Корума....

8..... зданий для житья духовенства сто двадцать велел воздвигнуть.....

9..... когда соединился до захода солнца, тот храм — чайтья.....

10..... между тем, как он высок подобно горе, он подобен горе Gṛdhrakuṭa....

11..... был наречен..... что касается....., то великий монгольский народ.....

12. Обладающие величием высшие, рождаясь по указу неба, свое государство основали..... причина.....

13. Прежде (... ?) был период (?) под названием „белый дракон“.[1] Потом опять.....

14. Город, куда прибыла высочайшая золотая особа, обладающие величием, такой лучезарный великий храм.....

15. Лишь только довел до золотого слуха обладающего величием императора, как указом.....

контексте: *deleme haran χorikulχu bai bičig*. По поводу этой формы *deleme* можно заметить, что здесь произошло озвончение начального *t*, чему мы имеет и другие примеры из языка квадратного письма (ср. *dèŋri* „небо“).

Формы *teleme* > *telme* и *deleme* являются образованиями от основы **tele-*, ср. *teleül-* „драться“ и т. д. = тур. Тар. tälä- „быть возбужденным“, Кир. telim „военная добыча“ и т. д. От этого **teleme* и т. д. следует отличать **deleme* от основы **dele-*, ср. *delekei* „земная поверхность“, *delge-* „расстилать“, *delgere-* „распространяться“ и т. д. Значение **deleme* > *deleme* — „раскинутый, распространенный“, и м. п. эта форма засвидетельствована в значении „пригород, предместье“, как явствует из тибетской глоссы, в бурятском ксилографическом издании истории Будды Tāranātha (fol. 294), на что любезно обратил мое внимание Б. Я. Владимирцов, ценными указаниями которого я с благодарностью воспользовался при составлении настоящего отчета.

[1] Очевидно год „белого дракона“. О системах летосчисления монголов см. Władysław Kotwicz. O chronologji mongolskiej. Rocznik Orjentalistyczny. Tom II, Lwów, 1925, p. 220 e. s.

16. Что касается его удивительной доброты, то как исчерпать, говоря об его ласковых (?) словах и добродетельных деяниях...

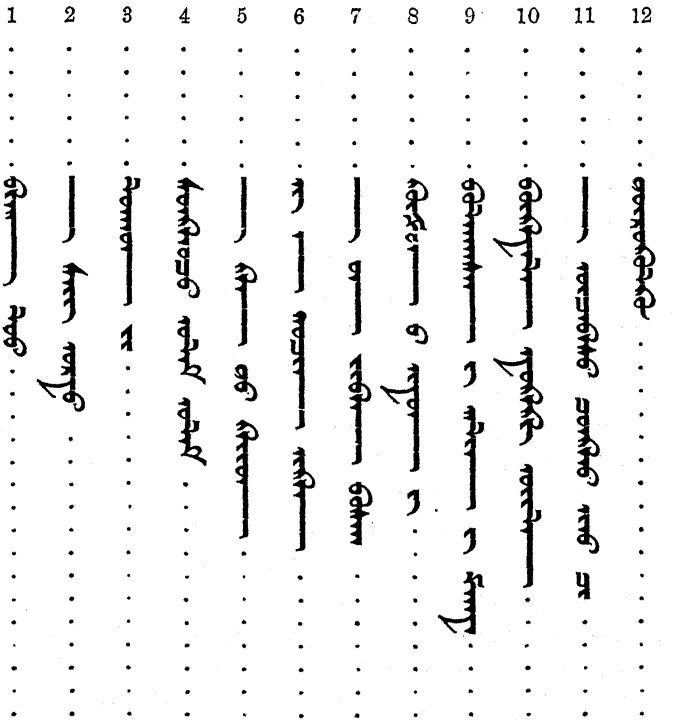
17. После того, как с безначальных времен земля и народ пришли в состояние смуты.....

18. Чингис-Хан родясь победил царей враждебных чужих (народов). Великий монгольский народ.....

19. Упавшие листья.....

20. Сильные.....

На меньшем обломке можно в порядке строк разобрать следующее (см. табл. II):



Транскрипция.

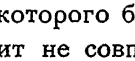
1..... *bing luu*.....
2..... *sayi ordu*.....
3..... *luγad ji*.....
4..... *songγuju ulam ulam*.....
5..... *ken dü keyid*.....

6..... *γučin nigen*.....
7..... *yiben bosχa[γulbai]*.....
8..... *kümün-ü nidün-i*.....
9..... *bolγaγsan-i alin-i maγta[bai]*.....
10..... *bögetele edügeki üile*.....
11..... *üjebesü čongχu inu či[meg-tü]*.....
12..... *törügülkü*.....

Перевод.

1..... бинг луу.[1].....
2..... только что (?) ставка (?).....
3.....[2]
4..... выбирая малу по малу.....
5..... кому обитель (resp. здание)
6..... тридцать один.....
7..... свой велел воздвигнуть.....
8..... глаз человека.....
9..... сделанное всякое хвалили.....
10..... между тем как....., нынешнее дело.....
11..... если посмотреть, то окно его (украшенное).....
12..... порождать.....

Относительно этих двух обломков можно прежде всего заметить, что они по всей вероятности принадлежат другому памятнику, чем тот, фрагмент которого был издан Вл. Л. Котвичем, ибо толщина кусков плит не совпадает.[3] Тем не менее сомневаться относительно того, что все эти обломки принадлежат памятникам одной и той же эпохи, оснований нет.

Из вновь найденных обломков бóльший, вероятно, составляет верхнюю часть памятника, так как над строками сохранившейся верхней части этого обломка остается довольно широкое свободное поле, вследствие чего можно полагать, что выше стрóки не шли, и дальше следовало лишь закругление, какие обычно бывают в верхней части подобных памятников. Попутно можно заметить, что строки начинаются сверху не в один ряд: ближе всех к верхнему краю находятся строки 12, 14, 15 и 18, начинающиеся с эпитетов  или

[1] Год под циклическим знаком бинг-дракона.

[2] Видны только части каких-то слов, смысла которых восстановить нельзя.

[3] Толщина фрагмента, изданного Вл. Л. Котвичем, по произведенному мною обмеру 18 *см*.

имени عبدالله, причем и над ними свободное поле еще достаточно широко, а остальные из сохранившихся строк, т-е. 13, 16, 17, 19 и 20 начинаются значительно ниже. Что касается меньшего обломка, то приблизительно можно определить и его место в надписи: по всей вероятности он принадлежит к левой части надписи, ибо левее первой строки следует очень широкое свободное поле. Однако, к какой именно части левой стороны принадлежит этот обломок — к верхней, нижней или средней, точно установить невозможно. Судя по тому, что сохранившиеся на этом обломке строки являются ни началом, ни концом строк, можно полагать, что этот обломок принадлежит скорее всего к средней части левой стороны надписи.

Надписи, сохранившиеся на этих двух обломках, к сожалению, чрезвычайно фрагментарны, особенно меньший обломок надписи. Тем не менее они представляют собою некоторый исторический интерес, так как могут кое-что прибавить к тому, что уже известно относительно возведения храмов и других зданий Каракорума. И хотя перевод этих фрагментов и само издание их являются лишь предварительными, с каковой лишь оговоркой они здесь даются,[1] можно уже теперь высказать несколько соображений исторического характера.

Прежде всего относительно даты памятника можно заметить, что Вл. Л. Котвич относит дату изданного им фрагмента к временам, близким к тем событиям, о которых говорится в нем, а упоминаются в изданном им фрагменте 1342 и 1346 г. Следовательно, можно полагать, что сама надпись относится к ближайшим после 1346 г. годам.[2] На основании обоих новых обломков, к сожалению, ничего нельзя прибавить в смысле уточнения даты, к которой относятся те памятники, которым принадлежат они и прежде открытые фрагменты, хотя на малом обломке и упоминается год под циклическим годом *bing luu*, а на большом обломке год под циклическим знаком *čaγan luu* („белый дракон"), ибо надпись не сохранила событий, о которых говорится под этими годами. Поэтому годы эти в одинаковой мере могут быть приурочены — *bing luu* к 1256 г., 1316 г. и даже 1376 г., а *čaγan luu* к 1280 г. или 1340 г. и т. д., из ко-

[1] Камни эти будут доставлены из Эрдэни-дзу в Монгольский Ученый Комитет, где их на месте можно будет обследовать более тщательно.

[2] Котвич, op. cit., p. 213.

торых, впрочем, 1376 г. менее вероятен, ибо относится уже к периоду, следующему за падением Юаньской династии, ко временам Аюрширидара (ум. в 1378 г.). По этой причине отпадают также годы *bing lüu* или *čaγan lüu* следующих шестидесятилетий.

Обращаясь к разбору надписи — в дальнейшем будет иметься в виду только бóльший фрагмент — можно заметить, что внимания заслуживает 8-ая строка, в которой говорится о сооружении ста двадцати зданий для духовенства, что указывает на значительное количество монахов, живших в Каракоруме. Не безынтересна также 10-ая строка, в которой говорится о сооружении какого-то здания, высокого как гора и напоминающего собою гору *Gṛdhrakuṭa*. О таких высоких зданиях в Каракоруме упоминают также другие источники, например, Мэн-гу-ю-му-цзи, где говорится об огромной пагоде, выстроенной в 1256 г. императором Мöнке.[1]

В заключение об этом памятнике можно заметить, что на обратной стороне обломков, о которых здесь идет речь, имеется китайская надпись. Она так же фрагментарна, и так же отсутствуют начало и конец ее, как в монгольской надписи, вследствие чего пока еще очень трудно что-либо сказать о содержании ее.

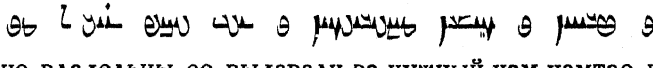
Таковы краткий обзор произведенных в Эрдэни-дзу работ и описание заснятых памятников. Из виденного там заслуживает упоминания еще художественно исполненный в красках портрет Абатай Хана, основателя Эрдэни-дзу,[2] находящийся в самом зȳ. Далее, 7 августа в Эрдэни-дзу состоялся ежегодный цам, на котором мы имели возможность присутствовать.

Что касается каких-либо интересных книг, то таковых почти не удалось видеть, если не считать печатного Гарчака к Ганджуру на манджурском языке, что не представляет собою, правда, большой новости, ибо печатный экземпляр одного из томов манджурского Ганджура имеется в библиотеке Ленинградского Университета. Не удалось также видеть и тем более приобрести намтар Эрдэни-дзу. Единственной рукописью, копию с которой удалось получить и то не в Эрдэни-дзу,

---

[1] Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П. С. Попова. СПб., 1895, стр. 382.

[2] Основан в 1585 г.



а в Барун-хуре (б̮арӯ хӯрē), является [illegible]
[illegible]
которую владельцы ее выдавали за нужный нам намтар, каковое сочинение, однако, с последним ничего общего не имеет.

В заключение об Эрдэни-дзу следует заметить, что работы там не встречали никаких препятствий со стороны лам и, если еще в 1912 г. ламы ко всякого рода попыткам обследования находящихся в монастыре камней с надписями относились враждебно, то теперь в этом отношении произошли большие перемены. Кроме самого лучшего отношения мы со стороны обитателей монастыря ничего не видели.

Что касается ближайших окрестностей Эрдэни-дзу, то в виду того, что они уже неоднократно были обследованы разными экспедициями, нельзя было надеяться на открытие там каких-либо новых исторических памятников. Тем не менее, там все же был обнаружен еще один памятник с китайской надписью, правда, не представляющий собою особого интереса, так как он относится к совсем недавнему времени. Памятник этот находится на левом берегу Орхона против долины р. Баин-гол (б̮аjjі ґ̮ол), приблизительно в пятнадцати *км* от Эрдэни-дзу вниз по течению Орхона. Из перевода надписи, любезно сделанного Ю. К. Щуцким, явствует, что памятник этот был поставлен на месте Дайциньского военного поселения в 11-ый год правления Юн-чжэна под циклическим знаком Гуй-чоу осенью в 8-ую луну (т.-е. 9 сентября 1733 г.). Далее, левая вертикальная строка гласит: „Повелевается императорским указом собирать подати Фу-дэ из Чан-бо в чине Ши-лана из Министерства церемоний и ученого из Внутренней палаты“.

Как видно, памятник этот относится к XVIII в. и был воздвигнут на месте военного поселения. По поводу этого можно заметить, что о таких поселениях именно в этой местности имеются точные исторические сведения, так например, Мэн-гу-ю-му-цзи сообщает, что в 1715 г., когда был поднят вопрос об основании земледельческих колоний по Орхону и Толе, такая колония, между прочим, была намечена в Эрдэни-дзу. Впоследствии, в 1735 г. к северу от Эрдэни-дзу был основан даже целый город.[1] Очевидно, одной из таких колоний была

[1] Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 337.

и та, по случаю основания которой был воздвигнут и памятник, о котором идет речь. В настоящее время вся местность вокруг памятника сильно заболочена и сам памятник, имеющий 175 *см* в вышину, уже сильно погрузился в болотную почву, так что теперь даже трудно представить себе, что там было поселение еще 200 лет тому назад.

Покончив с работами в Эрдэни-дзу, отряд не стал там долго задерживаться и 20 августа двинулся в северо-восточном направлении от монастыря в сторону долины между горами Майхан (маэ̆хӑ) и Хайрахан (хаэ̆рхӑ), где по непроверенным слухам должен был находиться высокий каменный памятник. Достигнув этой долины, отстоящей от Эрдэни-дзу приблизительно в 35—40 *км*, отряд без труда отыскал этот памятник, но он оказался без всякой надписи и представлял собою грубо отесанную и сильно выветрившуюся плиту высотою в 334 *см* при ширине в 68 *см* и толщине в 17—20 *см*. Плита эта стоит посреди квадрата из врытых в землю больших плоских камней, представляющего собою по всем признакам погребение. В северном направлении от этого погребения тянутся еще три квадрата меньшего размера. Все эти квадраты замощены внутри большими камнями.

Отсюда отряд медленно двинулся по направлению к Улан-Батору и, пройдя живописной долиной р. Джиргаланту (цiргӑлӑнʿтʿӑ), вышел близ упомянутой в начале настоящего отчета скалы Бичикте-улан-хада на прежнюю дорогу и достиг г. Улан-Батор.

В Улан-Баторе уже после ликвидации отряда неожиданно явилась новая работа, а именно были сняты эстампажи с монгольской надписи, находившейся у развалин Хесек-байшин (хессэ̆к бӑэ̆шӣ) и открытой в 1923 г. Монгольским Ученым Комитетом. Куски этой разбитой на несколько частей плиты незадолго до прибытия нашего отряда в Улан-Батор были привезены в Монгольский Ученый Комитет, и таким образом представилась возможность в дополнение к прежде снятым В. А. Казакевичем эстампажам снять новые. Надпись эта пока еще не разобрана, так как она в очень плохом состоянии. Другое намеченное в Улан-Баторе дело, а именно поездка в Налайху с целью снятия новых эстампажей с памятника Тоньюкука, о чем нас просил Монгольский Ученый Комитет, к сожалению не могло быть выполнено, так как не удалось во время получить автомобиль; впо-

следствии же погода настолько испортилась, что о снятии эстампажей нельзя было и думать.

Из Улан-Батора я вместе с Б. Б. Бамбаевым 14 сентября выехал в Ленинград.

Что касается добытых материалов, то о них можно себе составить представление по всему сказанному выше. Здесь можно еще добавить, что в Улан-Баторе была приобретена кое-какая литература, главным образом книги и брошюры на современные темы, а также парадный костюм одного из прежних монгольских князей. Материалов, добытых специально Б. Б. Бамбаевым и являющихся результатом его личных занятий, я здесь не касаюсь, как было оговорено в самом начале отчета.

В заключение отчета не могу не выразить своей благодарности Монгольскому Ученому Комитету, оказавшему широкое содействие нашему отряду; особенную благодарность приношу здесь Б. Б. Бамбаеву, оказавшемуся деятельным и исполнительным помощником во всех работах.

